в поэзии малых форм функционировала продуктивнее русского гекзаметра?

Думается, ответ надо искать не столько в популярности имени Сафо в России (а ведь сапфическая строфа в опосредованной форме неизбежно должна была напомнить о некогда существовавшей греческой поэтессе), но прежде всего в самом построении логоэдического размера.

Сапфическая строфа представляет собою одиннадцатисложник (за исключением заключительной строчки каждой строфы). Подобный одиннадцатисложник объективно не мог не напомнить русским поэтам-экспериментаторам — от Тредиаковского, Сумарокова до Радищева, — живо интересовавшимся на протяжении всей своей жизни отечественной фольклорной традицией, о его собственном аналоге — одиннадцатисложнике, наиболее употребляемой и устойчивой форме стиха, одиннадцатисложнике с паузной цезурой после пятого слога, — т. е. о силлабической поэзии XVII—XVIII вв. А ведь споры между Тредиаковским и Сумароковым, а также поэтическое воплощение этих споров по поводу необходимости или бесплодности подобной цезуры при передаче русского сапфического размера подтверждают мысль о том, насколько актуальна была традиция употребления одиннадцатисложника, целиком вышедшего из русской народной поэзии, как параллели одиннадцатисложнику, изобретенному Сафо и уходящему корнями в эолийский фольклор.